

Тень всадника из "Травы забвения"

Культура. — 2000. —
14-20 дек. — с. 12

Роман-возвращение

Усилиями сразу трех московских издательств ("Олимп", "Астрель", "АСТ"), выпустивших в свет роман "Тень всадника", состоялось возвращение к своему читателю Анатолия Гладилина. Я не случайно сказал про "своего" читателя. Он, этот читатель, появился у Гладилина более сорока лет назад после публикации в катаевской "Юности" повести "Хроника времен Виктора Подгурского".

Могу утверждать, как младший современник, что именно с этой повести, да еще с публикаций А.Кузнецова и В.Аксенова, началась та самая знаменитая "исповедальная проза", сыгравшая огромную роль в нравственном формировании нескольких, наверное, поколений молодых советских людей. Думаю, произошло это к глубокому прискорбию тогдашних идеологов, кусавших потом локти на предмет собственной непроницательности и очевидного недомотра. "Хроника..." и вышедший через несколько лет роман Гладилина "История одной компании" мгновенно разошлись на цитаты, во многом легшие в основу молодежного сленга шестидесятых — семидесятых годов. Для советского студенчества тех времен цитаты из Гладилина были своеобразным паролем, по которому они находили друг друга в любом временном сообществе от дружеской вечеринки до огромных многодневных собраний, называвшихся тогда "комсомольскими учебами".

Категория "своих" читателей постоянно пополнялась новыми людьми. Они следили за творчеством писателя, гоняясь за его книгами и выискивая среди моря периодици новые гладилиньские публикации. Серию "Пламенные революционеры", широко и многотиражно выпускавшуюся "Политиздатом", интеллигентные читатели и узнали-то только благодаря тому, что в ней вышла книга Гладилина "Евангелие от Робеспьера". Боюсь ошибиться, но думаю, что это была последняя книга писателя, опубликованная в СССР. В середине семидесятых А.Гладилин покинул Советский Союз. История литературной эмиграции последней четверти XX века — тема, конечно, сугубо отдельная, но позволю себе заметить, что почти одновременный уход из

советской литературы Солженицына, Бродского, Кузнецова, Максимова, Аксенова, Гладилина и еще десятка литераторов (какими бы разными эти писатели ни были) не только изменил историческое развитие отечественной литературы, но и в значительной степени испортил читательский вкус. За все это нынче приходится расплачиваться литературе постсоветской, но это уже, как говаривал классик, совсем другая история. Гладилин же из отечественного литературного процесса исчез, и как казалось, навсегда. Нет, мы, конечно, знали, что он работает парижским обозревателем радиостанции "Свобода", и могли предполагать, что что-то, несомненно, пишет, но писателя с такой фамилией для советского читателя больше не было. Помню, как молодые коллеги, прочитав в катаевском "Святом колодеце" ироническое воспоминание о Гладилине как основоположнике "мовизма", спрашивали у меня, кто это такой А.Гладилин? (Не знаю, надо ли для теперешнего поколения читателей объяснять, кто такой В.Катаев и что такое "мовизм"). В общем, "трава забвения" произрастала четверть века и выросла довольно высоко. И вот в 2000 году гладилиньское возвращение состоялось. Так что же вернулся в российскую литературу? Всадник, четверть века назад усакававший в

Европу, или его тень, воспоминание о бывшем властителе дум? Сам писатель, говоря о новом романе, считает, что это Главная книга, которую он успел написать. Что ж, ему видно. Что же видно нам, многолетним его читателям? Роман "Тень всадника" написал другой Гладилин. Человек не только другого возраста, темперамента и жизненного опыта, но и просто **другой**. Перед нами очень хорошее произведение, написанное современным европейским писателем, вполне соответствующее нынешнему уровню добротной западной прозы. Роман, как и положено нынче, многослоен, очень занимателен, автор его весьма образован, есть "острый сюжет, любовь, смерть, война, мир, преступление, наказание". Действие разворачивается в разные времена, в разных странах. Присутствует редкостная в нынешней русской прозе горечь самопознания, понимание множественности жизни, прожитых каждым из людей. Замечателен сюжет любви к одной женщине вне зависимости от физических ее воплощений. Прекрасно прописаны исторические куски романа, где бы они ни происходили — во Франции конца XVIII века, в Швеции первой четверти или США второй половины XIX века. Книга, несомненно, интересна, а порой и весьма увлекательна. Она, конечно же, найдет своего (и прежнего гладилиньского, и совершенно нового) читателя в современной России.

Чего в ней не хватает? На мой личный вкус, того самого "мовизма", столь точно и тонко подмеченного В.Катаевым, определившим юного А.Гладилина в русскую словесность. Не хватает того, за что мы так любили Гладилина, когда в соответствии со строчками той юного тогда А.Вознесенского "по наитию дуешь к берегу, ищешь Индию, найдешь Америку!". А может быть, роману хватало всего? Просто ему, писателю, и мне, читателю, не хватает нас самих, молодых и отчаянных, из хроник тех времен и историй тех компаний. Впрочем, это дело сугубо частное, не требующее описаний на страницах периодического издания.

Юрий БЕЛЯВСКИЙ